

Влияние церковной реформы Петра I на управление
монастырями правобережья Казанской земли
в первой половине XVIII века

А.А. Чибис

*Чувашский государственный институт гуманитарных наук
Чебоксары, Российская Федерация*

Статья посвящена изучению воздействия преобразований Петра I на порядок светского и епархиального управления монастырями правобережной части Казанской земли.

Ключевые слова: Церковная реформа Петра I, монастыри Казанской и Нижегородской епархий в XVI – первой половине XVIII вв., епархиальное управление

Для цитирования: Чибис А.А. Влияние церковной реформы Петра I на управление монастырями правобережья Казанской земли в первой половине XVIII века // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2022. Т.12, №4. С. 49–67.

В первой четверти XVIII в. царь Петр I предпринял ряд мер, направленных на: а) полное подчинение учреждений русской православной церкви государственной власти; б) максимальное использование земельной и другой собственности духовных корпораций в интересах государства, в том числе для покрытия военных, социальных и других расходов, и т.п. В значительной степени это воздействие было направлено, прежде всего, на монастыри, которые располагались широкой сетью как в крупных центрах, так и в периферийных городах и уездах России. По подсчетам П.И. Чудецкого, в 1700–1701 гг. в стране насчитывалось не менее 1201 монашеской обители, в том числе 965 мужских и 236 женских [62; с.34].

В XIX – начале XXI вв. из-под пера историков вышло немало работ, в которых были рассмотрены предпосылки, содержание и общие результаты такой политики по отношению к монастырям и другим церковным организациям на всероссийском уровне [см. например: 6; 7, с.121–296; 20, с.313–375; 27, с.371–281; 49; 59, с.163–182]. Следующим этапом исследования этой весьма значимой темы может стать изучение хода церковной реформы Петра I в различных исторических областях тогдашней России. К числу таковых относилась и средневолжская Казанская земля (Казанское царство, Казанский край), вошедшая в состав Русского государства в 1551–1552 гг. После этого события на ее территории стали возникать и функционировать мужские и женские монастыри [30, с.I–XXV; 60]. Воздействие на них реформ Петра I было лапидарно затронуто лишь в рабо-

тах по общей истории монашеских обителей в названном регионе. Заслуживает внимания опубликованный в 1902 г. труд И.М. Покровского о прошлом монастырей Казанской епархии от появления первых обителей до секуляризации 1764 г. Автор кратко рассмотрел ход и влияние на казанские монастыри следующих петровских мероприятий: 1) передача под управление светских чиновников монастырских вотчин; 2) сокращение численности монашеских лиц за счет законодательного ограничения пострига и попыток объединения мелких монастырей; 3) возложение на обители социальных функций, в том числе обеспечение приюта больных и раненых военных [30, с.26–79].

Выявленные к настоящему времени исторические источники позволяют более обстоятельно, чем это было сделано раньше, изучить различные направления воздействия преобразований Петра I на монастыри Среднего Поволжья. Цель настоящей работы заключается в том, чтобы подробно рассмотреть влияние петровских реформ на порядок епархиального и светского управления монастырями Горной (правобережной) части Казанской земли. На данной территории во второй половине XVI – первой четверти XVIII вв. действовало не менее 35 монастырей (27 мужских и 8 женских). Это свияжские мужские: 1) Троицкий, 2) Успенско-Богородицкий, 3) Макарьевский, 4) Вячеславовский, женские, 5) Иоанно-Предтеченский (Рождественский); чебоксарские мужские, 6) Троицкий, 7) Преображенский (Спасо-Геронтьевский), 8) Сретенско-Владимирский, женские, 9) Николаевский (Иоанно-Предтеченский), 10) Благовещенский; алатырские мужские, 11) Троицкий, 12) Свято-Духовский, 13) Казанско-Богородицкий Печерский, 14) Спасо-Преображенский Старцеугловский, 15) Николаевский Медянский, 16) Николаевский Борковский, 17) Преображенский Гуляевский, 18) Покровский Ивановский, 19) Кирилло-Вознесенский, 20) Николаевский Городищенский, 21) Казанско-Богородицкий Ключевско-Четвертаковский, женские, 22) Старо-Николаевский (Казанский), 23) Киево-Николаевский новодевичий; тетюшские мужские, 24) Николаевско-Зосимо-Савватиевский, 25) Покровский; кокшайский мужской, 26) Троицкий Сундырский; козьмодемьянские мужские, 27) Николаевский (Покровский), 28) Спасский Малоюнгинский, 29) Богоявленский, 30) Ильинский, женский, 31) Вознесенский; цивильский мужской: Тихвинско-Богородицкий (Вознесенский); ядринский мужской, 34) Казанско-Богородицкий, женский, 35) Михаило-Архангельский [60, с.53].

Предваряя основное содержание статьи, отметим, что из всех перечисленных монашеских обителей во второй половине XVI–XVII вв. светские власти взаимодействовали, в основном, с двумя группами монастырей. Прежде всего, это девять мужских обителей, являвшихся владельцами вотчин (№№1, 2, 6, 7, 11, 15, 24, 25, 28) [1; 4; 29, с.434–438; 48, с.40–42; 50, с.116–131; 61]. Все приобретенные земли юридически оформлялись и закреплялись за монастырями в Приказе Казанского дворца, который в вы-

шеназванный период осуществлял все управление на одноименной территории. В этом же учреждении или в подчиненных ему приказных избах во главе с воеводами, которые управляли средневожскими городами и уездами, решались проблемы, связанные с монастырской феодальной собственностью: разбирались земельные тяжбы монастырей с другими владельцами, судились монастырские крестьяне и т.п. Местные же административные органы собирали с монастырей налоги, положенные к взысканию с их вотчин [1; 4; 61].

К второй группе относятся пять женских монастыря, которым приказные власти выплачивали денежное и натуральное жалование – ругу (№№5, 9, 22, 23, 35). Например, при основании в 1638 г. в Алатыре Киево-Николаевского монастыря его насельницам от имени царя была пожалована следующая годовая руга: игумень – 5 руб., 8 юфтей хлеба (одна юфть – четверть ржи и четверть овса); каждой из 52-х монахинь – 2,5 руб., 4 юфти; игумену – 10 руб., 10 юфтей, черному попу – 8 руб., 8 юфтей; старцу – 3 руб., 5 юфтей; каждому из семи певцов – 3 руб., 5 юфтей; каждому из восьми служебников – 2,5 руб. четыре юфти. Также в монастырь должно было поставляться 60 сажень дров, ведро церковного вина, 0,5 пуда ладана, 4 пуда воска, 6 четвертей пшеницы и 2 пуда патоки на кутью [21, с.19–20, 46–47].

5 июня 1676 г. на ежегодные церковные потребности Ядринской Михаило-Архангельской обители было назначено 1 руб., 75 коп. в год, на содержание игуменьи 87,5 коп. и 1 юфть хлеба, на содержание каждой монахини – 62,5 коп. 1,5 осьмины ржи и столько же овса [12, л.6]. При необходимости приказные власти могли профинансировать в ружных женских монастырях ремонт старых и строительство новых церквей [21, с.16–18, 29–30].

Жалование выплачивалось ружным обителям за счет весьма доходных кабацких и таможенных сборов [21, с.11, 14], которые до октября 1680 г. находились в ведении Приказа Казанского дворца; с его санкции воеводы делали монахиням выплаты [21, с.21, 63]. В конце 1680 г. все кружечные дворы и таможни в Казанской земле были переданы под управление Приказа Большой казны [21, с.2–3, 22–23]. Документы Киево-Николаевского монастыря свидетельствуют, что в течение 20 лет этот приказ контролировал выплату воеводами руги женским обителям в Алатыре [21, с.23–24, 26–27, 43; 48, с.7–8]. С 1700 г., в результате так называемой городской (посадской) реформы, выплачивать ругу монахиням стала Алатырская земская изба [21, с.45–47, 58–59]. Несомненно, аналогичный порядок выплаты названного жалованья – сначала приказными, затем земскими органами – действовал в отношении вышеназванных свияжского, чебоксарского и ядринского монастырей.

Что касается остальных монашеских обителей, которые не имели за собой вотчин и руги, то существенных свидетельств о их взаимоотношениях с приказными органами не сохранилось.

В допетровский же период семь правобережных обителей были приписаны к более крупным монастырям или архиерейским домам: Троице-Сергиевой лавре (№№1, 11), кафедре митрополита Нижегородского и Алатырского (№13), Нижегородскому Благовещенскому монастырю (№15), Нижегородскому Макарьевскому Желтоводскому монастырю (№19), Московскому Новоспасскому монастырю (№25), кафедре архиепископа Суздальского и Торусского (№27) [28, с.35–36; 29, с.434; 48, с.57; 58, л.2–4; 60, с.39–40, 44]. Братия приписных монастырей полностью подчинялась руководителям головных организаций. Все остальные обители по внутренним и духовным вопросам находились в ведении епархиальных архиереев. Первоначально монастыри и церкви всей Казанской земли входили в состав учрежденной в 1555 г. Казанской епархии, которой управляли сначала архиепископы, а затем митрополиты. К 1625 г. из Казанской епархии в пределы так называемой Патриаршей области, находившейся под непосредственным управлением патриарха, были переданы уездные центры Курмыш, Алатырь, Ядрин [31, с.132]. В 1672 г. эти же города перешли в ведение впервые образованной Нижегородской и Алатырской епархии, в составе которой они оставались до конца XVIII в. [31, с.287].

В соответствии со Стоглавом 1550 г. первый Казанский архиепископ Гурий получил достаточно широкие святительские полномочия, в том числе право судить все епархиальное духовенство «во всяких делех», без вмешательства казанских и свияжских наместников [2, с.259; 44, с.340, 342]. Но после смерти в 1563 г. митрополита Макария, инициатора принятия Стоглава, подсудность монастырей архиереям по светским делам была отменена, их надлежало разбирать только в светском суде [59, с.112], прежде всего, в приказе Казанского дворца.

20 мая 1625 г. царь Михаил Федорович предоставил своему отцу и соправителю патриарху Филарету всю судебную власть над церквями и монастырями во всех городах Патриаршей области, в том числе Алатыре и Ядрине [3, с.231–232]. Вплоть до смерти Филарета в 1633 г. монастыри этой области судились только в подчиненном ему Патриаршем Разрядном приказе как друг с другом, так и со светскими лицами. В 1624/25 г. этот приказ удовлетворил иск алатырского казака Я. Нехаева о передаче ему за выкуп вотчины, которую ранее его жена вложила в Алатырский Троицкий монастырь на поминование своего первого мужа казака М. Шатченина [4, с.113]. В 1630/31 г. игумен Самарского Преображенского монастыря Феодорит по приговору Патриаршего приказа вернул принятых беглых крестьян Алатырского и Свияжского Троицких монастырей [4, с.119–120].

После 1633 г. судебная власть русских патриархов над монастырями Казанского правобережья постепенно ослабла. Монастырские власти для

решения своих материальных проблем все чаще стали обращаться в светские учреждения. Так, 1 февраля 1639 г. переведенные в женский Алатырский Старо-Николаевский монастырь монахини Ладинско-Покровского (будущего Киево-Николаевского) монастыря, минуя патриаршие приказы жаловались в Приказ Казанского дворца на то, что прежние насельницы скандалят с ними, и просили отвести им место для строительства отдельной обители [21, с.6].

Во время правления царя Алексея Михайловича (1645–1676) государство усиливает наступление на прежние привилегии церкви. В соответствии с Соборным уложением 1649 г. учреждается Монастырский приказ, которому официально поручалось судить черное и белое духовенство по всем делам [45, с.158]; за патриархом сохранялись судебные права только по отношению к домовым монастырям и вотчинам [45, с.157]. В 1649–1677 гг. юрисдикция Монастырского приказа распространялась и на правобережные монастыри. Так, в декабре 1659 г. администрация этого приказа назначила монаха Казанского Преображенского монастыря И. Артемьева келарем Успенско-Богородицкой обители [19, с.29–31]. В июне 1662 г. ядринский воевода Д.И. Алфимьев по требованию Монастырского приказа поручил приставам выслать в него старцев Ядринского Казанско-Богородицкого монастыря Ерофея и Льва для разбирательства по каким-то денежным делам [47, с.55–56].

Однако в условиях XVII в. право светских приказных учреждений решать внутренние вопросы церковных организаций не могло сохраняться долго. 17 июня 1667 г. на патриаршем соборе было принято решение, запрещающее светским лицам судить представителей черного и белого духовенства; они подлежали только архиерейскому суду [32, с.699, 704]. В 1677 г. Монастырский приказ был упразднен [7, с.99–101].

Есть документальные примеры того, как после соборного решения 1667 г. казанские и нижегородские митрополиты рассматривали тяжбы подвластного им духовенства. В 1688 г. Казанский митрополит Андриан рассмотрел жалобу монахов Чебоксарской Преображенской (Спасо-Геронтьевой) пустыни на то, что священники приходских церквей мешают им совершать молебны на проплывающих мимо города стругах, и решил дело в пользу монахов [17, с.244–245]. В 1700 г. Нижегородский митрополит Исая судил тяжбу о дворовом месте в Алатыре, которое власти местного Троицкого монастыря оспаривали у преображенского попа И. Тимофеева, а алатырские посадские люди – у монастыря [4, с.295–302]. Решение подобных инцидентов было возможно после того, как одна из сторон подавала архиерею исковую челобитную на другую сторону.

Кроме суда над духовенством, одной из основных функций епархиальных архиереев было благословление на строительство новых церквей. По православным канонам без такого благословения проводить богослужение было нельзя. Так в 1668 г. патриарх Иоасаф своей грамотой благо-

словил перенос на новое место церковей Киево-Николаевского монастыря [21, с.15–16]. В 1689, 1691, 1694 гг. аналогичные акты на перенос старых или строительство новых храмов игуменье и монахиням названной обители выдал митрополит Нижегородский и Алатырский Павел [21, с.28, 30–31, 35]. Документы из архива Спасо-Юнгинского монастыря свидетельствуют о том, что в XVII столетии архиереи рассылали по приходским и монастырским церквям грамоты о порядке чтения молитв, именовании патриархов, проведения молебнов по особо торжественным случаям [1, с.250–251, 258–259, 264].

Однако нет никаких известий о том, что в XVII в. главы Казанской и Нижегородской епархий существенно вмешивались во внутренние дела монастырей [31, с.293]. Каждый монастырь был достаточно закрытым учреждением, и только от настоятеля зависело – сообщать или нет архиерею о том, что творится в его обители. По-видимому, в XVII в. вышеназванные митрополиты не сумели организовать за монастырями, особенно отдаленными и небольшими, дополнительный контроль со стороны протопопов, поповских старост, заказчиков духовных дел.

Переходя к основной части работы, отметим, что с первых же лет XVIII в. воздействие государственной власти на монашеские обители резко усилилось и коснулось оно, прежде всего, вотчинных монастырей. После смерти патриарха Адриана 16 октября 1700 г. царь Петр I не стал организовывать выборы нового патриарха, а назначил местоблюстителем патриаршего престола рязанского митрополита С. Яворского, который был полностью зависим от царской власти [46, с.234, 245–246]. По указу от 24 января 1701 г. был восстановлен Монастырский приказ, под его управление перешли все монастыри, дома патриарха и епархиальных архиереев. Остальные светские приказы, в том числе Казанского дворца, официально были лишены права заведовать духовными учреждениями [33, с.133, 139; 7, с.121]. Через несколько дней, 31 января, вышел еще один указ, по которому назначенные воссозданным приказом лица должны были провести подробную перепись всех патриарших, архиерейских, монастырских имуществ и владений [33, с.139–140].

29 июня 1701 г. в Симбирск, Алатырь, Пензу, Кадом, Керенск, Саранск, Курмыш, Темников для переписи местных монастырей в интересах названного приказа был направлен стольник С.И. Толстой. Настоятелям и игуменьям предписывалось предоставить ему всю монастырскую казну, приходно-расходные и прочие регистрационные книги, выделять 10 алтын кормовых денег в день, давать подводы и т.п. [21, с.48]. В том же году в Свияжском уезде действовал наделенный такими же полномочиями стольник С. Митусов [64, с.158]. Следовательно, в 1701 г. власть Монастырского приказа распространилась на Казанскую и Нижегородскую епархии. Его филиал действовал в Нижнем Новгороде и давал указания по управлению алатырскими, козьмодемьянскими и другими

правобережными монастырями [1, с.318–319; 6, с.87–88; 21, с.57–58]. Насколько же было сильно административное влияние этого учреждения в названных епархиях?

Историки указывали на то, что Монастырский приказ по отношению к монастырям обладал, в основном, административно-хозяйственными, фискальными и финансовыми функциями [6, с.79–88]. Действительно, 30 декабря 1701 г. издается указ о том, что монастырские вотчины переходят под управление Монастырского приказа «не ради разорения монастырей, но лучшаго ради исполнения монашескаго обещания; понеже древние монахи сами себе... пищу промышляли, нынешние же монахи...сами чуждыя труды поядаша» [33, с.181–182]. За счет доходов, собранных с монастырских вотчин, каждый монах, в том числе и настоятель, должен был получать равное с собратьями жалование – 10 руб. и 10 четвертей хлеба в год [33, с.182].

Указ от 31 декабря 1701 г. привел к тому, что монастыри-вотчинники были лишены своей экономической самостоятельности и стали зависеть от государственного жалования, которое не всегда выплачивалось вовремя и в положенном количестве. За первое полугодие 1702 г. архимандрит Успенско-Богородицкого монастыря получил жалование 5 руб., казначей 2 руб. 50 коп., рядовые монахи 63 руб. 26 алтын, а на следующие четыре месяца того же года жалование им вообще не было выплачено [64, с.158]. Монахам Спасо-Юнгинского монастыря чиновники Монастырского приказа могли выдать жалование не деньгами, а рожью, овсом и пшеницей, собранными с их же вотчин [1, с.333].

Несмотря на официальную передачу духовных вотчин под полную юрисдикцию Монастырского приказа, на территории Казанского правобережья сбор с монастырских крестьян ряда налогов – запросных, ямских, полоняничных денег и др. – осуществляли уездные приказные органы [1, с.318–323, 326–327]. Последние же продолжали осуществлять над вотчинами монастырей административный надзор, который с начала XVIII в. значительно усилился и мог доставить монахам и их крестьянам немало неприятностей. Данный вывод подтверждается челобитной алатырским властям строителя Троице-Алатырского монастыря М. Дубенского от 31 марта 1702 г. Опасаясь обвинений в нарушении указа от 2 марта того же года о запрете рубки деревьев «толще избного бревна», строитель докладывал, что такие деревья, находящиеся в монастырском хозяйстве, срублены до выхода указа [9, л.1а].

Что касается мелковотчинных и безвотчинных монастырей и пустыней, то первым из них государство уже с 1705 г. начало возвращать мало-доходные, нередко не имеющие крепостных крестьян, вотчины [6, с.90–91; 7, с.174]. Вторые, по причине отсутствия у них хозяйственных владений, еще с 1701 г. фактически находились вне сферы деятельности Монастырского приказа.

За безвотчинными монастырями, которые получали ругу до начала XVIII в., после указа от 31 декабря 1701 г. сохранялся прежний ружный оклад [6, с.87]. Известно, что в 1701 г. стольник С.И. Толстой провел перепись Киево-Николаевского и, по-видимому, Старо-Николаевского монастырей, перевел на государственную службу большую часть их работников [21, с.56–58]. Но эти монастыри с 1701 г. получали свою ругу не за счет Монастырского приказа. До 1710 г. им продолжала платить жалование Алатырская земская изба (см. выше); с 1710 по 1719 г. оба монастыря финансировались по указанию властей сначала Казанской, а затем Нижегородской губерний. С 1719 г. руга им выдавалась за счет средств Алатырской провинциальной канцелярии по указу государственной Штатс-конторы [14, л.47 об.; 21, с.58–60; 48, с.8–9]. Изложенное свидетельствует о том, алатырские и другие ружные правобережные монастыри также не попадали в сферу деятельности Монастырского приказа.

Кроме того, вплоть до начала 1720-х гг. настоятели монастырей по-прежнему решали внутренние дела своих обителей вполне самостоятельно, без всякого участия светской, а нередко и архиерейской властей. Так, в конце 1702 г. архимандрит Макарьевского Желтоводского монастыря Филарет принял решение забрать из приписной Алатырской Кирилло-Вознесенской пустыни воск и церковные деньги и передать их в головную обитель. Монахи пустыни обратились к архимандриту с униженной просьбой оставить у них деньги и воск, т.к. их обитель бедна, церковь и ограда в ней ветхи. Но 25 января 1703 г. Филарет в еще более жесткой форме предписал подчиненным ему старцам изъять указанное из пустыни и доставить в монастырь [58, л.2–4].

В 1718–1721 гг. Петр I подготовил и провел новую реформу, суть которой заключалась в юридической ликвидации фактически не существующего патриаршества и создании коллегиального органа по управлению всеми церковно-монастырскими делами [20, с.346–361]. Предварительными шагами этой реформы были указы от 17 августа и 16 октября 1720 г. об упразднении Монастырского приказа и возвращения монастырям их вотчин при условии уплаты в казну положенного фискального оклада [7, с.126–127]. После этого получили свои земли и угодья обратно чебоксарские Преображенский и Троицкий, Алатырский Троицкий и другие правобережные монастыри-вотчинники [16, с.118–121].

14 февраля 1721 г. состоялось открытие Синода (Духовной коллегии), в состав которого вошли 12 лиц духовного звания (архиереев, архимандритов и др.), лично отобранных Петром и присягнувших ему на верность [20, с.348–351]. В принятом 25 января того же года Духовном регламенте определялись полномочия Синода и подчиненных ему архиереев. Последние, помимо всего прочего, должны были строго следить за монахами, «дабы не волочились безпутно», контролировать доходы и расходы монастырей, передавать часть монастырского хлеба на содержание учеников

духовных школ. Архиереи должны были часто объезжать свои епархии, регулярно собирать информацию о том, что творится в монастырских обителях не только от их настоятелей, но и от протопопов, благочинных, а также от мирян [37, с.9–10, 13–15]. Особая роль в управлении епархиями отводилась учрежденным 1 марта 1721 г. инквизиторам; они назначались в города, уезды, монастыри из числа белого и черного духовенства, и должны были независимо от других должностных лиц контролировать духовные дела и церковно-монастырские учреждения, выявлять все нарушения, доносить о них архиереям [63, с.197].

С первых же лет после принятия Духовного регламента и других названных мер контроль архиереев за монастырями стал возрастать. В ноябре 1721 г. Нижегородский митрополит Питирим доносил в Синод о том, что в расположенных в его епархии приписных монастырях творятся беспорядки и своеволия. Уже в декабре Синод вынес решение о передаче всех духовных дел в таких монастырях в непосредственное ведение Питирима [24, стб.694–695]. Как уже отмечалось, ранее духовными делами в приписных обителях ведали только настоятели головных монастырей. В апреле 1724 г. находящийся при Алатырской Покровской Ивановской пустыни инквизитор монах Ианнуарий донес в архиерейский Духовный приказ, что из монастырской церкви пропала кружка со сборными деньгами. Питирим срочно отправил в пустынь своего пристава для проведения подробного расспроса монахов и доставки к себе иеромонаха и пономаря, которые в день пропажи находились в церкви [52, л.1–1 об., 5–7]. В июне 1728 г. А.М. Ординцев, являвшийся приказчиком ктитора названной пустыни А.А. Кожина, сообщил в тот же приказ, что ее строитель Исаяя не выполняет свои обязанности. Питирим немедленно предписал поповскому старосте Порецкой пятины Михаилу прислать к нему Исаяя для расследования по факту доноса. Лишь заступничество всех монахов, которые заявили, что Исаяя добросовестно выполняет свои обязанности, спасло его из-под ареста и сохранило за ним должность строителя [53, л.1–7].

В мае 1722 г. Петр I совместно с Синодом принял Прибавление к Духовному регламенту, которое было полностью посвящено правовому статусу белого и черного духовенства. Прибавление вводило жесткие дисциплинарные нормы по отношению к монашеству, определяло порядок пострига в монахи, регламентировало полномочия настоятелей и т.д. [38, с.248–255]. Новые монастыри надлежало открывать только с разрешения Синода, мелкие подлежали упразднению, а их монахи – переводу в крупные обители, отдаленные монастыри не должны были основываться, «ибо сие мнози делают свободаго ради жития, чтоб от всякой власти и надсмотрения удален житии возмог...». Следовательно, Петр I и члены Синода стремились сохранить только крупные монастыри, которые можно было более или менее полно контролировать; отдаленные от городов обители рассматривались как убежище от власти и потому подлежали упразд-

нению [41, с.325–326]. В дальнейшем Петр планировал установить для всех монастырей штат, разделить их на два класса; в каждом монастыре, в соответствии с его классом, должно было находиться строго определенное число монахов и служителей, получающих жалование от государства [39, с.333–335].

Вскоре после выхода Прибавления к Духовному регламенту в Казанской епархии стали делаться попытки объединения монастырей. В 1723 г. по указу ее митрополита Тихона 15 человек монахов Цивильского Тихвинско-Богородицкого монастыря были переведены в Чебоксарскую Преображенскую пустынь [26, стб.407–408]. В декабре того же года монахи этих двух обителей были направлены в более крупный Спасо-Юнгинский монастырь [26, стб.407–408]. В 1725 г. Чебоксарская Сретенско-Владимирская пустынь была приписана к Чебоксарскому Троицкому монастырю [26, стб.406]. В 1724 или 1725 г. была упразднена Свяжская Макарьевская (Подгородная) пустынь [40, с.490].

В Нижегородской епархии мероприятия по приписке и упразднению монастырей проходили в основном в 1726 г. В этом году: 1) малолюдные алатырские Николаевская Городищенская и Преображенская Гуляевская пустыни были приписаны к Покровской Ивановской пустыни; 2) монахи алатырских Духовской и Старцеугловской пустыней были отправлены в Казанско-Богородицкую Пичерскую пустынь [48, с.49–50, 62, 72, 147].

Однако уже в конце 1726 г. монахи Преображенской Гуляевской, Духовской и Старцеугловской пустыней были возвращены в свои прежние обители [48, с.49–51]. В пределах Казанской епархии была восстановлена самостоятельность названных Преображенской пустыни [16, с.502], Тихвинско-Богородицкого монастыря [16, с.501; 5], Сретенско-Владимирской [26, стб.408] и Макарьевской [22, с.8–11] пустыней. Одна из причин провала реформы по объединению монастырей заключалась в том, что братия крупных обителей не очень-то желала принимать к себе посторонних монахов из упраздняемых монастырей. Так, в 1723 г. игумен Ядринского Казанско-Богородицкого монастыря Иосиф долгое время отказывался принимать к себе монахов из закрытого Княгининского Троицкого монастыря. Лишь указ митрополита Питирима заставил Иосифа пустить в свой монастырь новых собратьев [51, л.1–2]. Кроме того, закрытию некоторых монастырей препятствовали представители местного православного населения. 28 июля 1725 г. жители Чебоксар А.Ф. Игумнов с товарищами обратились в Синод с просьбой отказаться от приписки Сретенско-Владимирской пустыни к Чебоксарскому Троицкому монастырю и сделать ее снова самостоятельной. 6 октября того же года Синод удовлетворил просьбу чебоксарцев с тем условием, что они будут поддерживать восстановленную обитель [26, стб.406–408].

Произошедшие в 1720-х гг. передача монастырских вотчин их прежним владельцам, неисполнение положений о ликвидации мелких обителей

вовсе не означало для монастырей полного возвращения к дореформенным порядкам или существенного ослабления политики, проводимой по отношению к ним Петром I. Выше уже отмечалось, что монастырям были возвращены их владения при условии полной уплаты ими положенных государственных налогов. 21 февраля 1721 г. Петр I разрешил Синоду ведать патриаршеские, архиерейские и монастырские вотчины, т.к. «онья от гражданских правителей пришли в скудость и пустоту» [37, с.32]. Все предписания светского правительства о взыскании с церковно-монастырских вотчин налогов должны были утверждаться Синодом, и его члены обычно соглашались на то, чтобы крестьяне подвластных им владений выполняли все государственное тягло. Кроме того, на монастыри, получившие обратно свои вотчины, была возложена обязанность содержать отставных и увечных военных [30, с.45–46, 66–67].

Вскоре после учреждения Синода вновь создается Монастырский приказ. Официально он подчинялся Синоду и должен был быть его исполнительным органом по управлению церковно-монастырскими вотчинами [7, с.247–249]. Фактически это означало, что контроль светских чиновников над монастырскими землями и крестьянами был сохранен. Так, в 1721 г. судья Монастырского приказа В. Ершов постановил прислать к себе строителя Алатырского Троицкого монастыря А. Михайлова и подьячего В. Кайсарова, которые разоряли монастырских крестьян и затрудняли выплату ими налогов [23, с.57]. В 1723 г. в вотчинах того же монастыря с целью проверки ревизских душ действовал капитан Маслов, притеснявший монастырских служителей и крестьян [25, стб.614–615].

После смерти Петра I правительство императрицы Анны Иоанновны (1730–1740) активно продолжило такое его мероприятие, как урезание ружных выплат монастырям. Еще в октябре-ноябре 1704 г. Петр издал указы о том, что с 1 января 1705 г. выплаты ружникам по всей России должны быть сокращены наполовину, «покамест свейская война кончатца» [21, с.59]. Но документы алатырских женских монастырей свидетельствуют о том, что сокращенное вдвое жалование выплачивалось и после окончания Северной войны в 1721 г. [14, л.47–47 об.; 48, с.8–9; 54, л.35–35 об., 49–49 об.]. Вплоть до 1730-х гг. такие выплаты производились регулярно, по-видимому, традиционно за счет сборов с таможен и питейных заведений [14, л.47 об.; 48, с.8; 54, л.35–35 об., 49–49 об.].

Но в 1731 г. Штатс-контора предписала Алатырской провинциальной канцелярии выплачивать ругу алатырским женским монастырям самостоятельно, без указа из Москвы за счет неокладных доходов [14, л.47 об.; 48, с.8]. Выделение руги из непостоянных средств привело к сокращению возможности ее выплаты. В 1738 г. монахини Киево-Николаевского и Старо-Николаевского монастырей сообщили в Алатырскую провинциальную канцелярию о том, что с 1736 г. и «понаыне» они вообще не получали никакого жалования [14, с.47 об.–48; 48, с.9]. Как видно из указа воеводе

Алатырской провинции Фефилову, в том же 1738 г. правительство, ссылаясь на снижение государственных доходов, постановило не выдавать всем монастырям руги «до сочинения нового стага (т.е. штата. – А. Ч.)». Впрочем, тем же указом Фефилову было предписано немедленно выдать монастырям невыплаченную в 1736 и 1737 гг. ругу [14, л.65–65 об.].

Несмотря на попытки Петра I составить новые монастырские штаты в 1722 г., многие монастыри, в том числе и алатырские, после его смерти продолжали получать ругу по окладам XVII в. [14, л.47–47 об.; 48, с.8]. Но Анна Иоанновна приняла указы по ограничению монашеского пострига, что способствовало сокращению численности насельников и насельниц во многих обителях [41, с.326]. Поэтому ее правительство и стремилось составить упомянутый новый ружный штат, чтобы не выплачивать лишних денег за сократившиеся монашеские места.

После смерти Анны Иоанновны правительство малолетнего Иоанна Антоновича (1740–1741), а затем и Елизаветы Петровны (1741–1761) несколько смягчило политику по отношению к монастырям. В отдельных случаях стали выделяться казенные деньги на строительство монастырских церквей. Так, в 1754 г. за счет казенных средств в Старо-Николаевском монастыре была вновь отстроена сгоревшая от пожара в 1741 г. Макарьевская церковь [48, с.5–6].

С начала 1740-х гг. была возобновлена выплата руги монастырям, в том числе алатырским Киево-Николаевскому, Старо-Николаевскому, Свяжскому Иоанно-Предтеченскому, Чебоксарскому Николаевскому и Ядринскому Михаило-Архангельскому [8, л.12–12 об.; 10, л.48–49; 11, л.767–767 об.; 48, с.9]. Но в ружных окладах некоторых монастырей были изменения. Если до 1736 г. игуменья Киево-Николаевского монастыря получала годовое жалование в размере 4 руб. 30 коп., а рядовая монахиня 2 руб. 15 коп., то в 1741 г. руга игуменьи была уравнена с ругой монахини, а выплаты монастырю на покупку дров прекратились [14, л.88, 106–106 об.]. К началу 1740-х гг. игуменья Чебоксарского Николаевского монастыря получала 1 руб. 75 коп., каждая монахиня 25 коп., на всех насельниц полагалась 61 юфть хлеба [11, л.767–767 об.]. К 1744 г. игуменья стала получать 87,5 коп., каждая из 29-ти рядовых монахинь 62,5 коп.; всем сестрам подлежало к выдаче теперь уже 30 четвертей 4 четверика ржи и столько же овса. Двум монастырским попам полагалась по 2 руб. каждому, дьякону 1 руб., 50 коп., дьячку, пономарю, просвирнице по рублю; на церковные потребности выделялось 2 руб. 50 коп. [11, л.48–49]. Аналогичные размеры государственного содержания были зарегистрированы за Николаевским монастырем в офицерской описи 1764 г. Ко времени ее составления из 29 штатных монахинь в наличии было только 15 насельниц, им, кроме собственного жалования, выдавались хлеб и деньги отсутствующих в штате [42, л.2 об.–3].

В других случаях светская власть могла варьировать размеры ружных выплат женским монастырям в зависимости от численности в них монахинь. В 1756 г. общая сумма жалования насельниц, священникам и причту Старо-Николаевского монастыря, не считая выделений на церковные потребности (покупку свеч, ладана и пр.), составляла 53 руб. 50 коп. [48, с.9]. Однако в 1763 г. размер ружного оклада снизился до 39 руб. 62,5 коп. [18, с.386]. Причина подобного снижения объясняется тем, что в 1763 г. в монастыре проживали только игуменья Елизавета, казначея и 18 монахинь [48, с.10].

Возобновив в начале 1740-х гг. выплату руги, правительство по-прежнему предписывало местным провинциальным и воеводским канцеляриям производить ее за счет неположенных в штат (т.е. не запланированные расходы) доходов [11, л.767–767 об.]. Основным источником для таких выплат в Чебоксарах и, по-видимому, в других правобережных городах служили так называемые «кабацкие за горячее вино гривенные деньги». Но таковые не всегда имелись в наличии и выдача монахиням их мизерного оклада нередко задерживалась на год и более. Так, монахини Чебоксарского Николаевского монастыря не смогли получить ругу за 1747–1748 гг. и последняя была выплачена им только в 1749 г. [12, л.3–3 об.]. К началу 1760 г. Ядринская воеводская канцелярия задолжала игуменье и 13-ти монахиням Михаило-Архангельского монастыря за три предшествующих года 52 руб. 90,25 коп. руги и компенсации за хлеб, а также 5 руб. 25 коп. выплат на церковные потребности. В казне канцелярии насчитывалось всего 17 руб. 39,25 коп. гривенных денег с горячего вина и поэтому 16 февраля 1760 г. ядринский воевода обратился в Нижегородскую губернскую канцелярию с просьбой изыскать недостающие средства для выплаты монахиням положенного жалования [12, л.1–9 об.].

В послепетровский период епархиальные органы по требованию светских властей продолжали отправлять в мужские монастыри на содержание отставных военных. Например, согласно опубликованным И.М. Покровским данным из ведомостей по монастырям Казанской епархии за 1739–1741 гг. в Свяжском Успенско-Богородицком монастыре проживали 16 офицеров и солдат, причем трое из них были женатыми, в общей сложности они получали из средств монастыря 191 руб. 23 коп. и 45,9375 четвертей хлеба в качестве годового содержания. В Козьмодемьянском Спасо-Юнгинском монастыре проживал один боцман, получавший 5 руб. 49 коп. и 9 четвертей, в Чебоксарском Троицком монастыре – квартирмейстер и матрос, которым монастырь выплачивал 5 руб. 49 коп. и 14 четвертей [30, с.1–II, XIV, XVI]. К началу 1764 г. в первой из названных обителей содержалось 56, во второй – 6, в третьей – 11 отставных солдат и офицеров. Соответственно, отставники получали за счет своих содержателей: а) 688 руб. 3 коп., 222,9375 четвертей крупы и муки [64, с.188]; б) 21,8 руб. и 25,5 четвертей ржи [1, с.398–399]; в) 66 руб. 26 коп., 56,8125 четвер-

тей муки и крупы [43, л.7–8 об.]. Столь значительное увеличение численности отставных и увечных военных в монастырях можно объяснить русско-шведской (1741–1745) и Семилетней (1756–1763) войнами.

В 1730–1740 гг. в дополнение и подтверждение Духовного регламента были приняты указы и резолюции об ограничении пострига в монастыри, ужесточении дисциплины среди монахов и монахинь [34, №№6177, 6189; 35, №№6504, 6561, 6585; 36, №№7538, 7671]. Подтверждались и расширялись права и обязанности настоятелей и архиереев по исполнению всех предписанных установлений. Вместо упраздненных в 1727 г. инквизиторов [63, с.197] в ряде монастырей с 1730-х гг. вводится должность смотрителя, который вместе с настоятелем должен был следить за соблюдением Духовного регламента, императорских и синодальных указов. В октябре 1734 г. по приказу Нижегородского епископа Питирима такие смотрители избираются в алатырских Покровской, Ивановской, Духовской, Преображенской Старцеугловской пустынях [55, л.1–4].

Во второй трети XVIII в. продолжилось начавшееся еще при Петре I усиление контроля епархиальных архиереев над монастырями, в результате чего внутренняя самостоятельность монашеских обителей Казанской земли окончательно сошла на нет. Настоятели должны были согласовывать с архиереями не только духовные дела, но и все остальные административные и хозяйственные вопросы. В начале 1750 г. игуменья Киево-Николаевского монастыря Маргарита с сестрами были вынуждены просить архиепископа Вениамина разрешить их духовнику иеромонаху Варламу, проживающему в Алатыре, поселиться в келье вблизи монастырской ограды для того, чтобы в любое время суток совершать таинства над заболевшими монахинями [15, л.3]. Без такого разрешения поселиться вблизи монастыря Варлам не мог. В августе 1741 г. игуменья Старо-Николаевского монастыря Александра с сестрами обратилась к епископу Иоанну за разрешением собирать милостыню на восстановление сгоревших при пожаре 8 мая того же года монастырских церквей во имя Знамения Богородицы и Николая Чудотворца [56, л.1–1 об.]. В марте 1744 г. строитель Ядринского Казанско-Богородицкого монастыря Дорофей с братией просили епископа Дмитрия разрешить им назначить в свою обитель сторожем сына покойного монастырского дьякона Ф. Иванова Д. Федорова. Это разрешение было дано епископом только после того, как монастырские власти представили ему справку о том, что Д. Федоров болен «падучей болезнью» (эпилепсией) и не годен к военной службе [57, л.1–1 об.]. В 1753 г. игуменья Свяяжского Иоанно-Предтечского монастыря Александра с сестрами также были вынуждены просить епископа Луку разрешить им собрать милостыню на отстройку своей обители, пострадавшей от пожара [8, л.3].

В тот же период возобновилась приписка небольших, малолюдных монастырей к более крупным обителям. Так, в 1748 г. по решению Казан-

ской духовной консистории Сретенско-Владимирская мужская пустынь «за малобратством» была приписана к Чебоксарскому Троицкому монастырю [43, л.9]; в 1740-х гг. к Успенско-Богородицкому монастырю была приписана Макарьевская пустынь [64, с.180–181].

Резюмируя изложенное, отметим следующее. В начале XVIII в. на правобережье Казанской земли и, по-видимому, в других областях России политика Петра I по отношению к учреждениям русской православной церкви затронула, прежде всего, вотчинные обители. С 1701 г. и до начала 1720-х гг. монастырские вотчины находились под полным управлением светских чиновников, все собранные с них налоги шли на ведение Северной войны и другие государственные расходы. После победы в ней монастыри получили свои достаточно разоренные владения обратно, но с условием содержать за счет доходов с них отставных военных и недееспособных лиц. Еще одной мерой правительства в указанный период стало сокращение денежных и других материальных выплат ружным монастырям. Однако во внутреннюю жизнь монастырей светская власть тогда еще не вмешивалась.

В конце 1710-х – начале 1720-х гг. Петр I принимает меры по усилению управления и контроля над монастырями со стороны архиерейской власти. Правители епархий, в том числе Казанской и Нижегородской, должны были следить за установленными в монастырях порядками, в том числе за тем, чтобы в них не укрывались светские лица от несения государственных повинностей. Эта политика затронула не только вотчинные и ружные, но и все остальные обители. Одним из ее направлений было упразднение мелких монастырей или их объединение с более крупными. В первой половине 1720-х гг. такие шаги предпринимались и в Казанской земле, но завершились неудачей, в том числе из-за активной поддержки монашеских обителей местным населением.

После смерти Петра I его политика по отношению к монастырям продолжилась преемниками на императорском престоле. Одним из ее главных результатов стало установление полного контроля над средневожскими монастырями со стороны епархиальных властей, создание условий для секуляризационной реформы 1764 г., которая полностью изменила устройство системы монастырей как в Казанской земле, так и в других регионах России.

Источники и литература

1. *Айплатов Г.Н., Иванов А.Г.* Монастырская колонизация Марийского Поволжья. По материалам Спасо-Юнгинского монастыря Козьмодемьянского уезда 1625–1764 гг.: Исследование. Тексты документов. Йошкар-Ола: МарГУ, 2000. 464 с.

2. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией императорской Академии наук. Т. I. СПб.: Типограф II

отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1836. XV+548 с.

3. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией императорской Академии наук. Т. II. СПб.: Типограф II отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1836. 392+15 с.

4. Алатырский Троицкий мужской монастырь. Документы 1612–1703 годов / сост. В.Д. Кочетков, А.А. Чибис. Ульяновск: Изд-во «Корпорация технологий продвижения», 2015. 512 с.: ил.

5. *Алюшин М.* Загадка Цивильской обители // Советская Чувашия. 2009. 15 мая. С.3.

6. *Булыгин И.А.* Церковная реформа Петра I // Вопросы истории. 1974. №5. С.79–93.

7. *Горчаков М.* Монастырский приказ. (1649–1725 г.): опыт историко-юридического исследования. СПб.: Типограф. А. Граншеля, 1868. 296+159 с.

8. Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф.6. Оп.31. Д.1.

9. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф.732. Оп.2. Д.131.

10. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф.2. Оп.1. Д.36.

11. ГИА ЧР. Ф.2. Оп.1. Д.37.

12. ГИА ЧР. Ф.2. Оп.1. Д.49.

12. ГИА ЧР. Ф.3. Оп.1. Д.109.

14. ГИА ЧР. Ф.244. Оп.1. Д.2.

15. ГИА ЧР. Ф.244. Оп.1. Д.3.

16. *Димитриев В.Д.* История Чувашии XVIII века (до Крестьянской войны 1773–1775 годов). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1959. 530 с.

17. Документы по истории феодального землевладения и хозяйства в Среднем Поволжье (XVII – первая четверть XVIII в.) / сост. А.А. Чибис, Б.М. Пудалов. Чебоксары: Изд. дом «Пегас», 2006. 348 с.

18. *Завьялов А.* Вопрос о церковных имениях при императрице Екатерине II. СПб.: Типограф. А.П. Лопухина, 1900. 300 с.

19. Казанские документы 1649–1675 годов / изд. подг. Д.А. Мустафиной и Э.И. Амерхановой. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008. 136 с.

20. *Карташев А.В.* Очерки по истории Русской Церкви. Т.2. М.: Терра, 1992. 568 с.

21. Киево-Николаевский Новодевичий монастырь в г. Алатырь: (сборник документов XVII – начала XVIII веков) / сост. А.А. Чибис. Чебоксары: Центральный государственный архив Чувашской Республики, Чувашское республиканское отделение (организация) Российского общества историков-архивистов, 2004. 76 с.

22. *Малов Е.* Свяязская Подгородная Макарьевская пустынь. Казань: Типо-литограф. наследников М.А. Чирковой, 1897. 42 с.

23. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Ф. В.Д. Димитриева. Т. XXXI.

24. Описание документов и дел, хранящихся в архиве святейшего правительствующего Синода. Т. I. 1542–1721. СПб.: Синодальная типограф., 1868. 103 с.+1252 стб.

25. Описание документов и дел, хранящихся в архиве святейшего Синода. Т. II. Ч. II. СПб.: Синодальная типограф., 1879. 652+XCI стб.+61+ II с.
26. Описание документов и дел, хранящихся в архиве святейшего Синода. Т. V (1725 г.). СПб.: Синодальная типограф., 1897. 672+DLXXXIV стб. +84+II с.
27. Очерки истории СССР. Период феодализма: Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954. 815 с.
28. *Пегенева И.А.* Монастырская вотчина Марийского края в конце XVI–XVIII веках: Дисс. ... канд. ист. наук. Йошкар-Ола, 2002. 340 с.
29. Писцовая книга Казанского уезда 1647–1656 годов / сост. И.П. Ермолаев, Д.А. Мустафина. М.: Изд. центр Ин-та Рос. истории РАН, 2001. 541 с.
30. *Покровский И.М.* К истории казанских монастырей до 1764 г. // Известия Общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете. Т. XVIII, вып. 1–3. Казань: Типо-литограф. имп. ун-та, 1902. С. 1–80+XXV.
31. *Покровский И.М.* Русские епархии в XVI–XIX вв., их открытие, состав и приделы: опыт церковно-исторического, статистического и географического исследования Т. I. Казань: Типо-литограф. имп. ун-та, 1897. 534+XLVIII с.
32. Полное собрание законов Российской империи. Т. I. СПб.: Типограф. II отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1830. XXXI+1029+12 с.
33. Полное собрание законов Российской империи. Т. IV. СПб.: Типограф. II отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1830. 881+3 с.
34. Полное собрание законов Российской империи. Т. VIII. СПб.: Типограф. II отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1830. 1014 с.
35. Полное собрание законов Российской империи. Т. IX. СПб. Типограф. II отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1830. 1023 с.
36. Полное собрание законов Российской империи. Т. X. СПб. Типограф. II отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1830. 995 с.
37. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Т. I. 1721. Царствование государя царя и великого князя Петра Алексеевича. СПб.: Синодальная типограф., 1869. 16+349+33 с.
38. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Т. II. 1722. Царствование государя императора Петра I. СПб.: Синодальная типограф., 1872. 28+685+73 с.
39. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Т. IV. 1724–1725 января 28. Царствование государя императора Петра I. СПб.: Синодальная типограф., 1876. 16+365 с.
40. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Т. V. 28 января 1725 – 5 мая 1727. Царствование государыни императрицы Екатерины I. СПб.: Синодальная типограф., 1881. 512+83 с.
41. Православная энциклопедия. Русская православная церковь. М.: Церков.-науч. центр «Православ. энцикл.», 2000. 655 с.
42. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 280. Оп. 3. Д. 367.

43. РГАДА. Ф.280. Оп.3. Д.614.
44. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т.2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М.: Юридич. лит., 1985. 520 с.
45. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т.3. Акты земских соборов. М.: Юридич. лит., 1985. 512 с.
46. Русское православие: вехи истории. М.: Изд-во полит. лит., 1989. 719 с.
47. Свод памятников истории Чувашии и чувашского народа. Т.1. Документы Ядринской приказной избы второй половины XVII – начала XVIII века / сост. А.А. Чибис. Чебоксары: ЧГИГН, 2017. 640 с.
48. *Соловьев А.* Упраздненные монастыри и пустыни Симбирской епархии. Симбирск: Типо-литограф А.Т. Токарева, 1909. XVI+193 с.
49. *Соколова Н.В.* Северная война и церковная реформа Петра I // Вестник МГИМО-Университета. 2021. С.153–171.
50. Список с писцовой и межевой книги города Свияжска и уезда письма и межеванья Никиты Васильевича Борисова и Дмитрия Андреевича Кикина (1565–1567 г.). Казань: Типо-литограф. имп. ун-та, 1909. 143 с.
51. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф.570. Оп.552. Д.45 за 1723 г.
52. ЦАНО. Ф.570. Оп.552. Д.22 за 1724 г.
53. ЦАНО. Ф.570. Оп.552. Д.82 за 1728 г.
54. ЦАНО. Ф.570. Оп.552. Д.9 за 1731 г.
55. ЦАНО. Ф.570. Оп.552. Д.8 за 1735 г.
56. ЦАНО. Ф.570. Оп.552. Д.99 за 1741 г.
57. ЦАНО. Ф.570. Оп.553. Д.121 за 1744 г.
58. ЦАНО. Ф.998. Оп.558. Д.565.
59. Церковь в истории России (IX – 1917 г.): критические очерки. М.: Наука, 1967. 336 с.
60. *Чибис А.А.* К вопросу о возникновении православных монастырей на правобережье Казанской земли во второй половине XVI – первой половине XVIII вв. // Марийский археографический вестник. 2011. №21. С.39–60.
61. *Чибис А.А.* Монастырское землевладение в Чувашской крае во второй половине XVI–XVII вв.: (на примере Чебоксарского Троицкого и Чебоксарского Преображенского монастырей) // Вестник Чувашского университета. 2006. №6: Гуманитарные науки. С.131–138.
62. *Чудецкий П.* Опыт исторического исследования о числе монастырей, закрытых в XVIII и XIX веках. Киев: Типограф. В. Давиденко, 1877. 67 с.
63. Энциклопедический словарь. Т.XIII [25]. Имидоэфиры – Историческая школа / изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб.: Типо-литограф. П.А. Ефрона, 1894. 480 с.
64. *Яблоков А.* Город Свияжск Казанской губернии и его святыни: историко-археологический очерк. Казань: Типо-литограф. императорского ун-та, 1907. 211+XLVI с.

Influence of the Church reform of Peter I on the management
of monasteries on the right bank of the Kazan land
in the first half of the 18th century

A.A. Chibis

*Chuvash State Institute for the Humanities
Cheboksary, Russian Federation*

The article is about the study of influence of Peter's transformations on the secular and diocesan management of monasteries on the right bank of Kazan land.

Keywords: Church reform of Peter the Great, monasteries of Kazan and Nizhny Novgorod dioceses in the 16 th – first half of the 18th centuries, diocesan administration.

For citation: Chibis A.A. Influence of the Church reform of Peter I on the management of monasteries on the right bank of the Kazan land in the first half of the 18th century. From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region. 2022, vol. 12, no. 4, pp. 49–67. (In Russian)

Информация об авторе:

Чибис Александр Алексеевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук (Чебоксары, Российская Федерация); e-mail: chib0701@yandex.ru

Chibis Alexander Alekseevich – Cand. Sci. (history), Senior Researcher, Chuvash State Institute for the Humanities (Cheboksary, Russian Federation).